

просы, обсуждение которых должно привести СССР и Францию к теснейшему сотрудничеству.

В любопытной декларации Кулондра я усматриваю не столько протест против изменнической политики французского правительства, сколько опасения этого представителя буржуазной Франции, как бы такая политика не привела ее к потере такого союзника, каким мог бы быть для нее СССР.

В. Потемкин

Публикуется по АВП СССР.

Опубликовано в сб.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 522—523.

¹ См. док. 366.

² 23 декабря 1932 г. был произведен обмен ратификационными грамотами договора о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 г. (см. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, с. 533—535).

369

Из выступления народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова на заседании 6-й политической комиссии Лиги Наций

Женева

23 сентября 1938 г.

...После заявления, сделанного мной в Ассамблее об отношении Советского правительства к чехословацкой проблеме¹, мне приходится слышать замечания, что, поскольку Советское правительство ставит условием своей помощи Чехословакии такую же помощь со стороны Франции, оно как будто также нарушает советско-чехословацкий пакт о взаимной помощи. Люди, которые делают такие замечания, очевидно, не знают или делают вид, что не знают, что советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимной помощи явились результатом акции в пользу создания регионального пакта о взаимной помощи с участием Германии и Польши, основанного на коллективной помощи. Вследствие отказа этих двух стран Франция и Чехословакия предпочли вместо одного советско-франко-чехословацкого пакта заключить 2 двусторонних пакта. Как раз чехословацкое правительство при этом настаивало на том, чтобы советско-чехословацкая взаимная помощь была обусловлена помощью Франции, что нашло себе выражение в соответственном договоре².

Таким образом, Советское правительство свободно от всяких обязательств перед Чехословакией в случае безучастного отношения Франции к нападению на нее. В этом смысле Советское правительство может прийти на помощь Чехословакии лишь в порядке добровольного решения либо в силу постановления Лиги Наций, но никто не вправе этой помощи требовать по праву, и, действительно, чехословацкое правительство не ставило вопроса о нашей помощи независимо от французской, и не только по формальным, но и по практическим соображениям. Уже после принятия им германо-англо-французского ультиматума оно запросило Советское правительство, какова будет позиция последнего, иначе говоря, будет ли оно еще считать себя связанным чехословацко-советским пактом в случае предъявления Германией

новых требований и неудачи англо-германских переговоров и решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках¹. Этот вторичный запрос вполне понятен, ибо после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта. Тем не менее Советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт.

Я позволил себе это отступление по тем соображениям, что выступать здесь, как я это делаю, может лишь представитель правительства, имеющего чистую совесть и чистые руки в области выполнения международных обязательств. Я должен прежде всего отвести от Советского правительства всякие несправедливые, основанные на незнании или злостные упреки, а потом уже заявить, что советская делегация не сможет принять доклад комиссии, предлагающей пленуму «принять к сведению ситуацию, созданную сделанными здесь односторонними декларациями», и в данном случае, я уверен, советская делегация действует в интересах Лиги и в интересах всех народов, в интересах мира.

«Известия», 1938, 24 сентября.

Опубликовано в сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 134—136.

¹ См. док. 349.

² См. док. 65.

³ См. док. 362.

370

Письмо руководителя пражского концертного и театрального агентства М. Бичурина советскому композитору С. С. Прокофьеву¹

Прага

23 сентября 1938 г.

Многоуважаемый Сергей Сергеевич!

Благодарю за присланное письмо² и спешу сообщить, что Ваш концерт назначен на 13 декабря, если этому не помешают события, которые в данный момент трудно предвидеть.

Премьера балета «Ромео и Джульетта» может состояться 14 декабря, если опять же не возникнут препятствия, которых нельзя в данный момент предвидеть³.

Относительно Кончаловского⁴ хотел бы немедленно обратиться к нему с предложением, ибо работа спешного порядка, но, к сожалению, не имею его адреса. Не будете ли так любезны передать ему, что вопрос касается приготовления эскизов к декорациям и костюмам к опере Римского-Корсакова⁵ «Снегурочка».

В данном случае театр хочет провести эту оперу в пластических декорациях и использовать [для этого] группы балета, дабы этим создать впечатление сказки, где фантазия игры будет иметь больше приспособления*.

* Так в тексте.